

Время года – слушать Антигону

Гитара – американская, оркестр – наш

Красавица гречанка, словно сошедшая со страниц первого (А-К) тома "Мифов народов мира" (ее имя Антигона), дала аншлаговый концерт в начале сезона в Малом зале Московской консерватории.

Гитаристка с незаурядными способностями получила музыкальное образование на родине, в Афинах, а затем совершенствовалась в Лондонской Королевской академии музыки и Джульярдской школе, которую недавно окончила в классе Шарон Исбин. Потом начались удачные и даже блестящие гастроли. В России ее помнят после дебюта в 1995 году на Первом Международном фестивале гитаристов. По крайней мере, треть публики пришла повторно. Изумилась смене имиджа (пышный расцвет и белые платья сменил узкий черный бархат и тонкий стан). А. Гони выглядела и играла подчеркнуто скромно, пытаясь слиться, смешаться с оркестром, а оркестр, как еще более робкий кавалер, сверх меры плененный своей дамой, пытался аккомпанировать тому не что, что диффузно лилось так за

тактом, повинувшись миражной логике самосоздания. Более иррационального Вивальди не приходилось, пожалуй, слышать.

Коллектив, с которым выступила гитаристка из США, – тот же, что и раньше: камерный оркестр "Времена года" (художественный руководитель и дирижер Владислав Булахов). Отдельно он представляет собой маленькую лирическую команду с безусловным собственным почерком. Вы узнаете его по первому такту любого концерто гроссо: изысканный, солнечный стиль, в котором итальянцев не играло уже лет тридцать.

В самом деле, первые зарубежные компакт-диски, появившиеся у нас, когда мы упорно цеплялись за грампластинки с шедевральными записями музыки XVIII века, сделанными нашими лучшими камерными оркестрами, были записаны будто бы под мрачными сводами соборов. Медленные темпы, ежетакая концентрация – наследие хоровой полифонии своей Родины, скульптурное "лицо" тем, каждая из которых, как готовое лопнуть

яйцо, таила в себе зародыши развития; а la симфонический заряд не истощивал себя ни в andante, ни в largo. Тяжелый барочный дух отдалял эту музыку от современников, раскупали эти записи мало.

Затем пришла эра техницизма. Темпы были взвинчены предельно, уровень виртуозности оркестрантов позволял штамповать Вивальди "с алмазной гранью". Концерты перестали отличаться друг от друга, превратившись в одно сплошное соревнование скрипок, партии которых сверкали и кололи, как острозаточенные клинки.

Постепенно виртуозы в массе переместились на Запад, но тот блеск и та агрессивная тоска, с которой они интерпретировали Вивальди, оказались невероятно близки слушающей массе, и больше не старым меломанам, а в силу социальных причин прибывшим к хорошим консерваторским концертам и музыкальному радио новым группам людей.

И вот теперь другое. Темпы опять медленнее, ошеломительной виртуозности больше нет. Музыку "демобилизовали". Из тех же самых нот, как из пены, родилась другая образность. Вивальди оказался чуть ли не музыкой для пленэра. Помните земляное искусство, искусство неба (Sky Work), воды и т.д.? Вот сейчас, если можно так сказать, нам преподносят ласкающее слух "искусство Вивальди", конечно, более рафинированное и светлое, чем те пласты живописи, но тоже требующее от музыкантов отречения от собственной сознательности (не вкладывать бытового человеческого смысл). Но эра техницистского Вивальди не изжитая. Она не дает его замечательным, знаменитым концертам звучать эфемерно, хотя они и сотканы из созерцательной любви музыкантов, и особенно дирижера, к музыкальному материалу. В прежних вихрях не было

любви, только покорение, овладение, и как тепло и свежо начали звучать все итальянцы XVIII века, например, исполненный Концерто гроссо Локателли ре мажор, соч. 1 № 9.

Если трактовки оркестра (без солистки) больше живописны, то собственные интерпретации Антигоны Гони "литературны". В первом отделении, в ре-мажорном концерте Вивальди для гитары с оркестром она и дирижер создавали не в противоречии иррациональный, из бликов, мир на "прямом языке" искусства, но во втором (Л.Брауэр, Концерт № 3 для гитары с оркестром ("Элегический")) А.Гони показала свой дар.

Манера очень легкая, воздушная, но не легкомысленная встречается редко в современном исполнительстве. Ее одно, два, три риано требуют внимания, какого не могла сначала никак дать шумная галерка, рассчитывающая на что-то очень эффектное. Легкое касание пальцами струн как вечности... Таким, я помню, уезжал от нас в Париж Виктор Ересько, когда в шопеновских этюдах кружилась под пальцами метель (и снежинки, и галактики). Тут чисто женское. Форма сложилась мифически предопределенно, как установленный порядок в микромире эмоций и колорита. Эстетическое воздействие требует от нас самых красивых слов. Скажем, что этот концерт был как живой прекрасный учебник эстетики, науки, которой в этом плане не везло всегда и, наверное, которая и требует больше живой красоты, не слов, чем любая другая на свете.

Ирина КОСМИНСКАЯ

P.S. Концерт состоялся благодаря фирме "Оптим".

Кучельмура, – 1998. – 17–23 сент. – с. 19